

мукам» имеет переводной характер и его византийские прообразы хорошо известны. Во многих из апокрифических сочинений, как правильно подчеркивает Пиккио, оригинальными являются добавления, при этом часто невозможно сказать, сделаны ли они на балканском юге или в древней Руси. Говоря о житиях, следовало отметить также и их художественную ценность, делавшую их иногда увлекательным предметом чтения. Что касается так называемых патериков, то они являются или сборниками с поучительным содержанием из жизни отшельников и святых, или же собраниями их поучений, во всяком случае они не истинные «жития святых», как указывает автор. Мне кажется, что автор, с другой стороны, недостаточно разграничил сборники 1073 и 1076 гг. Сборник, известный под названием «Пчела», восходит — это следовало особо подчеркнуть — к сочинению византийского писателя XI в. Антония Мелисса (т. е. пчела). О сочинении Иосифа Флавия «История Иудейской войны» автор, на наш взгляд, мог бы, имея в виду новейшие работы по этому вопросу,⁹ высказаться более определенно, а именно отметить, что древнерусский перевод относится, по всей вероятности, к XI в. Помимо этого не исключена возможность, что существовал также южнославянский перевод этого сочинения Иосифа Флавия, так же как и его книги «Иудейские древности», переведенной, может быть, в более позднее время. Если бы позволяло место, профессор Пиккио, вероятно, должен был сказать несколько больше и о древнерусском «Девгениевом деянии», тем более что в основе своей оно восходит к несохранившемуся оригиналу.¹⁰

Достаточно основательно рассмотрены главнейшие произведения «самобытной книжности» эпохи Киевского княжества. Затронут вопрос о роли монастырей как центров переписки рукописей в ту эпоху и вопрос об анонимных сочинениях. В то же время Р. Пиккио подчеркивает, что, за исключением Владимира Мономаха, может быть выделено лишь очень небольшое число авторов, о которых мы имеем сколько-нибудь определенное представление.

Даются сведения о сочинениях Илариона, причем подчеркивается, что его «Слово о законе и благодати» «достойно открыть историю самобытной литературы Руси». Пиккио анализирует содержание этого памятника и отмечает его связь с византийской риторической литературой, но особенно подчеркивает типично русские черты и прежде всего стремление автора доказать «историческую законность (*legittimazione storica*)» русского народа в сравнении с народом Ветхого завета, т. е. еврейским народом. Именно в этом проявляется характерное для времени Ярослава стремление, чтобы за Русью было признано «равенство и полная автономия в православном семействе» народов, и прежде всего по отношению к Византии. Из сочинения Илариона приводятся в итальянском переводе некоторые наиболее характерные места. Еще более обстоятельно Пиккио останавли-

⁹ См. основное исследование Н. А. Мещерского «История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе» (М.—Л., 1958). Кроме того, см.: И. С. Дуйчев. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 415—423. О возможном существовании южнославянского перевода см. также: Н. Вгäуег. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur. Heidelberg, 1958, стр. 20 и сл.

¹⁰ См. новейшие работы: В. Д. Кузьмина. Новый список Девгениева деяния. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 339—360; А. Я. Сыркин. Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии. М., 1960, стр. 173—178; Н. Grégoire. Le Digenis russe. — В кн.: R. Jakobson, E. J. Simons. Russian Epic Studies. Philadelphia, 1949, стр. 131—169; St. Kyriakidis. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. München, 1958, стр. 13—15; A. Dostál. Le Digenis Slave et son importance pour la byzantinologie. — Akten des XI internationalen Byzantinisten-Kongresses, München, 1958. München, 1960, стр. 125—130.